

ВРАЩАЯ РАЗНОЦВЕТНЫЙ ГЛОБУС

Продолжение¹

Мы уже давно в Европе – но нигде, как говорится, конкретно. В любой стране, с крайнего востока и до крайнего запада. И везде мы находим следы (и последствия) могучей европейской культуры, которая и сформировала современный мир. Весь мир, это не преувеличение. Исключением могут быть лишь закрытые от цивилизации внутренние долины Новой Гвинеи или Амазонии.

Наиболее закрытая от внешнего мира культура – китайская – смогла выйти из жестких рамок и интегрироваться в мировую культуру. Поначалу – через фильмы кун-фу, дальше – через совместное производство. Результатом было возникшее понимание того, что и у европейцев, и у японцев, и у китайцев – общее для всех понятие чести. Это немало – хотя бы для того, чтобы поддерживать отношения и иметь тему дальнейших переговоров.

Иной облик имеет мусульманское сообщество в Европе. В одной Германии – два с лишним миллиона турок, и никто не может сказать, что они интегрированы в немецкое общество. Боже, какую критику вызвало в свое время предложение заставить их признать «немецкую ведущую культуру» – «Deutsche Leitkultur» – в качестве основы интеграции! Или уж совсем недавно: «красно-зеленые» проблему заболтали, что привело вместо интеграции к формированию параллельных сообществ. Теперь все стало гораздо сложнее... Интеграция – «священная корова» и «красно-зеленых», и «черно-красных», привела не просто к нулевому результату – она вызвала образование в Германии новых точек противостояния. Параллельные общества не слишком просто преодолеть и подчинить влиянию власти – это не какие-то временные группировки. Когда на переговорах Ангелы Меркель в Турции идет речь об ускоренной интеграции двух миллионов турок в германское общество, ни у кого толком нет понятия, в чем же должна эта интеграция состоять. Арабские исламистские идеологи, поощряя иммиграцию, утверждают, что переселенцы из арабских стран должны отрицать европейскую культуру и создавать свое общество, базирующееся на традиционных, «священных» мусульманских ценностях. Главный довод: оно распространится по всей Европе, если не убеждением, то силой. И когда министр Шойбле заявил, что предпочел бы разговаривать с мусульманскими женщинами, когда они не заматывают голову в непроходимые тряпки, реакция была немедленной – и жесткой. Не троньте, дескать, не ваше дело!

Давний опыт – я сразу чувствую, когда меня воспринимают как «чужого». Не обязательно иностранца – иностранец может быть и своим, близким по духу. Есть ситуации, когда ты действительно «чужой» – и тогда лучше смыться. Так было всегда, когда вокруг были мусульманские молодые люди, толпящиеся у немецких вокзалов. Пара арабских фраз меня спасала – другие же становились жертвой абсолютно хулиганского грабежа.

«Brother, can you spare a dime?» – вопрошает огромный негр, попавшийся тебе навстречу в Сентрал-Парке в Нью-Йорке. Даст Бог, обойдешься кошельком. Опустошенный, идешь, и в голову приходит перевод. «Песня американского безработного», Леонид Утесов: «Вы мне говорили

---

¹ См. №№ 6, 7, 8.

– я ваш брат, – дайте ж мне хоть что-нибудь». Дал. Но ситуация другая. Расовая проблема и расовые разногласия – какие бы причудливые формы они ни принимали в условиях нынешней предельно политкорректной Америки – это всё-таки специфическое дело Америки. Никогда чернокожее население не претендовало ни на первенство в преимущественно белой Америке, ни на какую-либо особую компенсацию за «притеснения в прошлом». И тем не менее – во многих городах, особенно пригородах, – «проблемный контингент». Причина – гетто, «параллельное общество».

Можно ли говорить об успешной интеграции иностранцев в Европе, пока такие сообщества определяют их жизнь? Кто из них, за исключением единиц, сможет на внятном языке заявить о своем принятии «немецкой ведущей культуры»? Подучив немножко турецкий язык (не такой уж сложный), задавал вопросы немецко-турецкой молодежи: как вам нравится Орхан Памук? Никто даже имени не знал, хотя этот писатель является гордостью современной турецкой литературы, лауреат многих престижных премий (в том числе Нобелевской 2006 года), переведён на десятки языков мира. Его хорошо знает германская публика; турецкая публика в Германии о нем и не слышала. Наконец, совершенно заслуженно, он получил Нобелевскую премию по литературе 2006 года.

Возможно, мне не повезло. Наверняка есть и германские турки, находящиеся в курсе крайне интересного турецкого литературного процесса. Не отвык от российских мерок, когда все новинки читали в метро и обсуждали на кухне. Впрочем, турецкая литература, со времен Яшара Кемала и его романа «Тощий Мемед», то есть с 50-х годов двадцатого века, уже не воспринималась как нечто отсталое. Впрочем, ни о Яшаре, ни о явном футуристе Назыме Хикмете (мне удалось раз с ним встретиться), ни о блестящем новеллисте Ханчерлиоглу не слышали мои турецкие собеседники. Я могу себе представить, что это в принципе не читающая публика, ориентированная больше на базар, на куплю-продажу и обеспечение семьи. Почему же тогда на улицах немецких городов так много мусульманских дам в традиционных одеяниях, почему дети, толпящиеся вокруг них, не в школах, не в детских садах?

Их туда не пускают. Есть домашнее образование, мусульманские страны выпускают огромное количество книг для детей. Например, сказку «Злодей Шарон». Ну, сказка и сказка, добро побеждает зло. И послесловие: «События книги связаны с персонажем по имени Шарон, который символизирует правителей Израиля. Это образование было создано посредством изгнания палестинского народа с его земли – народа, обладавшего своей историей, своими ценностями и своей культурой. В Палестине поселились изгои со всего мира, между которыми нет никакой связи, кроме жажды крови, желания убивать, разрушать и распространять коррупцию по всей планете. Настоящие герои книги – это дети Палестины, которых сионизм лишил спокойной и достойной жизни...»

Борьба культур. Или противостояние культур; или, возможно, взаимодействие? Вся история Европы насыщена именно этим содержанием, противостоянием и взаимодействием культур. Крито-микенская культура дала мощный толчок Древней Греции, завоевания Александра, столкнувшегося с Востоком, породили эллинистическую культуру, в позднем Риме, завоевавшем Грецию и все ее владения, греческий язык стал языком интеллигенции... и торговли. При этом Рим, изначально политеистический, впитал в свой обиход и египетских, и сирийских, и малоазиатских, и даже персидских богов. Храмы Адониса, Астарты, Митры сосуществовали наряду и даже рядом с храмами исконно римских богов. И посещали их отнюдь не только иностранцы – напротив, по большей части римляне. Митра, индо-арийский солнечный бог, впитавший в себя дуалистическое мирозерцание зороастризма, в первом – втором веках нашей эры получил особенную популярность в легионах на западе империи, практически полностью вытеснив традиционный пантеон. Храмы старым богам строились, но почитались не больше, чем мавзолей Ленина в наше время. Считалось, что Митра приносил победу – так оно, в общем-то, и было, это был высший период подъема империи, и противостоять ей не мог

никто. А на востоке империи место греческо-малоазиатско-сирийско-египетских богов, равно как и недоступного для иностранцев еврейского Яхве, все больше занимал Иисус Христос. Мы все знаем о преследованиях ранних христиан в Древнем Риме, об их несчастной судьбе в гладиаторских цирках. Впрочем, речь шла тогда преимущественно о «еврейской секте», которая демонстративно ставила своего единого Бога выше всех других богов, в том числе и римских. Это было непрослительно в тогдашнем обществе, политеистическом в своей основе, и на этой основе принимавшей и чуждых богов – неприемлем был лишь единый Бог, заменявший и устранивший всех остальных. Яхве, единый – такого не может быть, значит – надо подавлять его сторонников. Это было не так уж и сложно, судьба Иосифа Флавия убеждает. Но это всё-таки касалось евреев, жалкого меньшинства не в империи – а в Риме, где лишь очень немногие евреи обрели права гражданства.

Иудаизм в Риме так и не получил сколько-нибудь широкого распространения, во всяком случае, сведений об этом нет. А вот христианство – с регулярной заменой легионов – распространялось всё шире, и митраизм, по сути дела, остался верой римских ветеранов на западе. Впоследствии он оказал влияние и на христианство, вместе с восточным же манихейством породив ересь катаров, или альбигойство. Впрочем, до этого оставалось еще целое тысячелетие. Так или иначе, Рим стал христианским, и даже мощные конвульсии многобожия (в лице, скажем, Юлиана Отступника) ничего не смогли изменить.

Впрочем, о каком Риме мы говорим? Великое переселение народов начала первого тысячелетия смешало все геополитические представления того времени, и уже не западные легионы, а свирепые готы, выросшие и окрепшие в причерноморских степях, определяли судьбу будущей Европы. Споры о том, как готы, германские племена, оказались на нынешней Херсонщине, продолжаются до сих пор; так или иначе, им не было никакого дела до зарождавшихся на севере славянских племенных объединений, обычно обозначаемых как «анты». Думаю, что и анты, когда готское войско пошло на Запад, постарались остаться в стороне. К великому походу присоединились многие – кто-то оставил след в истории, кто-то из нее исчез – до того времени, как дотошные студенты, в условиях длительного и гарантированного мира, попытаются восстановить то, что было или, хотя бы, похожее на то, что было.

Мне не нравится принятое в германской исторической традиции и по-обезьянью воспринятое российской историей разделение готов на «восточных» и «западных» – остготов и вестготов. Языки готов достаточно хорошо изучены; известен и перевод Библии на готский, великий труд, автором которого был епископ Ульфила. Это единственный убедительный памятник древнего готского языка, так называемый «Серебряный кодекс», других не сохранилось. Разделение на «остготов» и «визиготов» не имело этнического смысла, просто были разные вожди, в разное время имевшие преимущественное влияние.

Готские племена, начавшие движение на Запад, очень скоро подверглись давлению совсем уж чуждых гуннов, никак не признававших европейские традиции воинской чести. Сила гуннов была столь убедительна, что готы буквально побежали на Запад – и в этом движении сокрушили беспомощный Рим. В 410 году н. э. король визиготов Аларих разрушил Вечный город. Впрочем, визиготы достаточно скоро объединились с римским полководцем, «последним римлянином» Аэцием, чтобы победоносно противостоять ордам Аттилы в знаменитой битве на Каталаунских полях. Может быть, уже тогда это была «битва народов». Вовсе не только римляне в ней участвовали – и готские отряды, и соседи-германцы, и галльское ополчение из соседней – будущей – Франции. И даже далекие по происхождению аланы, народ скифо-иранского происхождения, предки нынешних осетин и карачаевцев. Их движение далее на Запад (вместе с вандалами, другим германским племенем) можно проследить по некоторым топонимам и в Испании, и в Северной Африке, и на близлежащих островах. Вандалы же – вовсе не «вандалы». В 455 году они действительно захватили Рим, но, по сравнению с грозными предшественниками, совсем немного пограбили, оставив город практически нетронутым. Имя стало нарицательным

лишь в XVIII веке, «вандализм» до сих пор не имеет никакого отношения к вандалам, народу вполне цивилизованному. Была и «Империя вандалов и аланов» в Северной Африке, безжалостно разрушенная византийским императором Юстинианом в начале шестого века нашей эры. Можно лишь предполагать, что поводом к нападению было арианство вандалов – ересь, подвергшаяся осуждению еще на Никейском соборе в IV веке.

Готы основательно изменили этническую карту Европы – прежде всего потому, что их движение с востока (под давлением совсем уж чуждых гуннов) вызвало и переселение других народов, по большей части германского же корня, в первую очередь лангобардов и франков. Было дело – остроготы завоевали всю Италию, основали королевство со столицей в Вероне. Победоносный Юстиниан разгромил их, и на освободившееся место пришли лангобарды, ставшие одними из предков нынешних итальянцев. Визиготы двинулись дальше на запад, завоевали Аквитанию и почти всю Испанию, вытеснив или растворив в себе немногочисленное галльско-римское население. По их следам шли другие германские племена – англы, саксы и юты добрались до крайнего запада континентальной Европы и оттуда покорили Британию; выжившие после жестокой резни кельтские племена бриттов частью пребрались на континент и заселили полуостров Бретань; франки перебрались на левый берег Рейна, в нынешнюю Бельгию и Голландию, и постепенно дошли до Парижа, который в 508 году стал столицей франкского королевства. Незадолго до этого франкский король Хлодвиг I из династии Меровингов разгромил последние римские легионы в Галлии, и Западная Римская империя окончательно перестала существовать. Впрочем, даже не сама империя – лишь последние о ней упоминания... Рим уже давно был не светской, а духовной столицей западного мира, престолом Папы Римского, и само название «Рим» связывалось уже не с грозными императорами и полководцами, а с волей «наместника Божьего» на земле. Движение готов на запад было мощным и убедительным, вызвав явление, названное впоследствии «великим переселением народов». Возможно, кочевники-гунны это движение подтолкнули, но причерноморские готы были явно к этому готовы. Лишь крошечная часть их осталась в Крыму до XII века – упоминания об этом есть в древнерусских письменных источниках. Именно в это время европейский мир столкнулся с понятием «готика», «готический стиль». Как ни странно, к готам как таковым это не имеет ни малейшего отношения. В Западной Европе их в то время уже не было, в одной Испании остались кое-какие следы в языке и в популярных личных именах, таких как, скажем, Родриго, Гонсало, Гарсия.

Дело в том, что в итальянском языке того времени слово *gotico* означало «варварский», «непривычный», и впервые его употребил знаменитый Джорджо Вазари для того, чтобы отделить эпоху Возрождения от Средневековья (оно-то как раз и было сочтено «варварским»). В само же время строительства Шартрского, Кёльнского или собора Парижской Богоматери никто этого термина не употреблял... Значительно позже, в последней трети XVIII века, появился «готический роман» (Х. Уолпол, А. Радклиф и др.) – жанр завоевал поклонников и продолжается до сих пор. В наше время есть и «готические фильмы», и «готик-рок», и целая молодежная субкультура, наследница субкультуры панков. Ее сторонники ничтоже сумняшеся именуют себя «готами», не имея ни малейшего представления, кто же это такие были. Впрочем, не исключено, что кто-то и заинтересуется.

Королевство визиготов было первым в Европе, подвергшимся нападению арабских завоевателей в начале VIII века. В 711 году семитысячный отряд арабов и берберов под командованием Тарика ибн Зияда переправился из Африки и под Хересом разбил наспех созданную армию последнего визиготского короля Родериха (Родриго). Сам Родриго бесследно пропал во время битвы, остатки армии под руководством герцога Пелайо отступили далеко на север. Арабы, не встречая организованного сопротивления, захватили Кордову, столицу королевства Толедо и множество других городов. Визиготская Испания пала. Пелайо добрался до предгорий Пиренеев и там основал маленькое королевство Астурию. Укрепив ее, он успешно отразил экспансию

арабов, или, как их тогда называли, мавров в битве при Ковадонге – это было в 718 году, и с этого момента начинается Реконкиста (отвоевание), продолжавшаяся восемь столетий...

Правившая во Франции династия Меровингов не смогла эффективно сдерживать продвижение мавров в Европу. Они осадили Тулузу, захватили крупный город Нарбонн, часть Прованса (Арль им отдали соперничавшие с Францией бургундцы), Балеарские острова, Мальту, Сицилию, юг Апеннинского полуострова... После смерти основателя династии Хлодвига I Меровинги все больше и больше забрасывали государственные дела. Их любили и почитали в народе, некоторые были даже причислены к лику святых, но править страной они не умели и не хотели. Все заботы были возложены на майордомов – фактических правителей Франции. Один из них, Карл Пипин по прозвищу Мартелл – «молот», сыграл особенно выдающуюся роль в истории. Он провел военную реформу, в результате которой появилась тяжелая конница, ставшая прообразом европейских армий в последующие века. Когда в октябре 732 года арабы разграбили Пуатье и Тур, Мартелл выступил им навстречу. Битва длилась весь день с преимуществом для франков; решительной победы все-таки не удалось достичь, но наутро арабская армия бежала. Мартелл стал развивать успех, и вскоре очистил от захватчиков всю страну вплоть до Марселя. Больше арабы не предпринимали походов против Франции. Их продвижение было убедительно остановлено, и это ознаменовало собой важный этап в европейской истории.

Последний Меровинг, Хильдерик III, умер в монастыре, куда его заточил майордом Пипин Короткий, сам с согласия Папы Римского ставший королем Франции. Перед заточением Хильдерик устрил волосы, лишив его тем самым королевского достоинства – все представители этой династии носили необычайно длинные волосы, иногда достигающие до колен, в то время как придворные и простолюдины должны были их стричь. Об этих «длинноволосых королях» существует множество преданий, в том числе и о чудесах, которые они творили – исцеляли больных наложением рук, обладали даром ясновидения, могли зажигать свечу взглядом... Современный вариант легенды, согласно которой Меровинги произошли от Иисуса Христа и Марии Магдалины, изложен в нашумевшем романе Дэна Брауна «Код да Винчи». Известна и реальная история: Архиепископ Реймса Святой Ремигий (по-французски Сен-Реми), обративший язычника Хлодвига в христианство, предсказал, что его династия будет длиться до конца света. Но ведь последний король из этой династии умер в 751 году! Оказывается, последующая династия – Каролинги – была связана с Меровингами (по материнской линии), и почти у всех последующих королев Франции была доля меровингской крови. И не только у них – у других династий тоже, у испанских Бурбонов, например. И даже у Ивана Грозного и поздних Романовых...

Итак, Пипин Короткий, став королем, основал новую династию, получившую название Каролингов (до сих пор спорят – то ли по имени его отца, Карла Мартелла, то ли – сына, Карла Великого, первого императора Запада со времен падения Рима). Оставалась ведь еще Восточная Римская империя, Византия, где часто и, как правило, насильственным путем менялись императоры, но и после арабского вторжения на Ближний Восток Византия оставалась грозной силой. Тем не менее, императорский титул Карла Византия, хоть и не всегда, признавала. Путь Карла к этому вовсе не был усеян розами – сначала консолидация власти внутри страны, покорение лангобардов, походы за Рейн, против упорствовавших в язычестве саксов. В 777 году эделинги – саксонская племенная знать – на сейме в Падерборне признали Карла своим повелителем. Увы, тут же пришла нерадостная весть – Абдуррахман, халиф Кордовы, стал притеснять арабских князей, союзных христианским государствам Испании. Рыцарская честь повелела Карлу броситься далеко на юг, в 778 году обширная область между Пиренеями и рекой Эбро была присоединена к Франции под названием Испанской марки. Обратный путь ознаменовался трагедией – авангард под командованием Роланда, графа Бретонской марки, попал в засаду горцев-басков и был уничтожен. В знаменитой «Песне о Роланде» говорится о предательстве, о нападении мавров; это скорее относится к поэзии, нежели к действительному ходу событий. Так или иначе, из Испании Карл вновь бросился за Рейн, где опять восстали саксы. Он их разгромил и оттеснил далеко – к берегам Эльбы. Впрочем, восстания саксов

вспыхивали еще чуть ли не четверть века, пока не был заключен окончательный мир. Подчинены были баварцы и союзные им авары – кавказское племя, обосновавшееся за Эльбой в ходе еще Великого переселения народов. Сыну Карла Людовику Аквитанскому (впоследствии Людовик Благочестивый, король Франции) удалось отвоевать у арабов Барселону и Балеарские острова. В результате Карл Великий смог раздвинуть границы прежнего франкского государства на огромные расстояния. При этом я не назвал бы его великим полководцем – не раз и не два он терпел достаточно унижительные поражения, но в конечном итоге всегда приходил к намеченной цели – часто и путем дипломатии.

В 800 году Папа Лев III обратился к Карлу за помощью против восставших римлян. Карл, уже обладавший титулом «защитника папского престола», поспешил на помощь. Подавив мятеж, в первый день Рождества Карл молился у алтаря в соборе Святого Петра. И тут, неожиданно для него (так уверяют хронисты) Папа возложил ему на голову императорскую корону и произнес формулу провозглашения. Скорее всего, сделка была заключена заранее, но хоть маленький-то спектакль быть должен!

Дела огромного государства во времена правления Карла неуклонно улучшались. Административные реформы действовали, налоги регулярно собирались, армия находилась в полном порядке и постоянной боеготовности. С этим правлением связывают и период так называемого «каролингского Возрождения», бурный расцвет образования и культуры. И хотя сам Карл был не слишком грамотен, он предусмотрительно окружал себя лучшими учеными того времени, учился у них и часто прислушивался к их советам. Авторитет его в мире был необычайно высок, к его двору стремились посольства из самых отдаленных стран. В 798 году фурор произвело посольство халифа Багдада Харуна аль-Рашида, когда франки впервые увидели живого слона... Заметьте, халифа, повелителя правоверных мусульман, вовсе не смущало, что Карл – христианский государь, не раз воевавший с арабами. Отношения между христианством и исламом были тогда совсем иными, обе веры чувствовали родство, основанное на единобожии. В то же время и та и другая были абсолютно нетерпимы к язычникам, таким как анимисты – обитатели Черной Африки или фризы, поклонники древней германской веры.

Культурные контакты мусульманских и христианских государств были весьма интенсивными, и уже в раннем Средневековье изучение арабского языка в европейских монастырях, а впоследствии и университетах, было обычным делом; впрочем, как и изучение латыни и греческого в восточных центрах науки. Война постоянно шла лишь на территории нынешней Испании, но она вовсе не носила характера столкновения религий – со стороны крепнущих испанских государств это было то, что теперь называется «национально-освободительное движение». Впрочем, и термин «реконкиста» – «отвоевание» – вполне исчерпывает этот процесс.

Взаимодействие культур давало удивительные плоды. Нынешние мусульманские идеологи настаивают на том, что именно арабы принесли в Европу более высокую культуру, чем та, которой характеризовалось «мрачное Средневековье». С одной стороны, это действительно так. Но была ли эта культура действительно арабской, или, тем более, мусульманской? Мог ли так быстро развиваться народ, который в седьмом веке, в момент возникновения ислама, только только выходил из родового строя, из кочевого образа жизни, которого и до сих пор придерживаются бедуины, вовсе не «носители культуры»? Столкнувшись с внешним миром, арабские завоеватели быстро почувствовали эту свою слабость и нашли простой выход – пользоваться знаниями этого внешнего мира, переводя труды ученых Древней Греции и Рима, Византии, привлекая ко дворам халифов еврейских, китайских, индийских, да и европейских мудрецов. Приводят пример – разоренная войнами и безразличием последних визиготских правителей, разбойным наступлением феодального строя Андалусия с приходом арабов превратилась в цветущий сад. На самом деле так и было – восстановился порядок, а для низшего сословия и для крестьян, остававшихся собственностью феодалов (религия здесь уж совсем не имела никакого значения), порядок означал возможность производить и увеличивать свою долю. Арабские

инженеры, научившиеся у византийских, которые, в свою очередь, изучили ирригационные системы Древнего Египта и Месопотамии, смогли уже конструировать и собственные системы, остатки которых до сих пор действуют.

Великая мавританская архитектура. Это повторяется постоянно, и в исторических, и в искусствоведческих трудах. Когда армии Омейядов пришли в Испанию, сопротивление было минимальным, и даже после поражения армии Родериха и горожане, и крестьяне остались на своих местах. «Законную» военную добычу арабы, конечно, забирали, но традиционным занятиям мирных жителей не препятствовали. Где-то наверняка и без всяких инженеров обошлось – визиготское население было в значительной степени грамотным. Их стали называть «мосарабами» – то есть подчинившимися арабам христианами. Сохранившиеся церкви раннего романского стиля арабы превращали в мечети – всего-то и нужно было пристроить минареты. Это и делали мосарабы, многие из которых оказались умелыми каменщиками, участвовавшими в строительстве городов и крепостей юга Испании. Одна лишь проблема – скульптурные изображения святых, а в исламе изображения людей запрещены. Тогда были призваны мастера с Востока, изощренные в скульптурном выражении растительных и геометрических орнаментов. Основательные романские церкви перестраивались долго, а тем временем одна область за другой отвоевывались христианами, и чаша стала склоняться на другую сторону весов. Пришедшие на смену Омейядам Альморавиды, выходцы их Северной Африки, оттеснили христианские армии на север и впервые провозгласили джихад. Мосарабов и евреев насильственно обращали в ислам. Многим удалось бежать на север; до сих пор сохранился мосарабский церковный обряд, своеобразный архаичный язык, существенно отличающийся от испанского. Евреям повезло меньше – на этот раз их насильственно заставляли креститься. Так появились мараны – крещенные евреи, тайно соблюдающие религию предков...

Но был и совершенно обратный процесс. В областях, отвоеванных христианами правителями, воцарялся относительный мир, и арабские поселенцы охотно оставались на своих местах. Еще не было тогда инквизиции, и многие из них сохраняли свою веру. Некоторые – принимали христианство и активно вливались в тогдашнее общество. Названия поселений замиренных арабов во множестве сохранились в Испании – Бенисалем (Дети мира), Бенидорм, Алькангара (крепость) и сотни других. Величие побед требовало соответственного художественного выражения, и, начиная с XII века, строится множество величественных соборов, ратуш и дворцов. Замиренные арабы – их называют мудехар – принимают в этом самое активное участие. Появляющиеся здания уникальны – сочетание ажурной мавританской легкости с мощными элементами готики, романского стиля, а позднее – с мотивами Ренессанса. В Испании это так и называют – стиль «мудехар». Упрощенно – «мавританская» архитектура, хотя на самом деле она таковой не является.

К северу же от Испании и Франции «каролингское возрождение» не получило сколько-нибудь серьезного развития. Империя Карла распалась, превратившись в три крупных государства – Францию, Лотарингию и Германию – впоследствии «Священную Римскую империю германской нации». Разгул «дикого феодализма» превратил и эти страны в пестрый ковер герцогств, графств и прочих владений, зачашую лишь номинально подчинявшихся монарху. Феодалы постоянно воевали друг с другом, что вредило и экономике, и культурному развитию. Впрочем, культура всецело находилась в руках церкви, которая была, вероятно, и крупнейшим землевладельцем. Феодалная раздробленность обусловила и военную слабость Европы, и прибрежные районы все чаще становились объектами набегов норманнов – свирепых выходцев из Скандинавии. Их драккары – боевые суда удачной конструкции, способные плавать и по морю, и по рекам, доходили до Исландии и даже до побережья Америки. По внутренним водам Франции они добрались до Парижа и разграбили его. В 911 году французский король Карл Простоватый уступил предводителю норманнов Хрольфу Пешеходу часть Северной Франции – Бретань и провинции Руан, Кан, Эр, впоследствии получившими название Нормандии. Хрольф (франц. Ролло) вынужден был принять христианство и принести ленную присягу королю. Под христианским именем Роберт

(по прозвищу Дьявол) он стал известен как первый нормандский герцог. Его потомок Вильгельм Завоеватель в 1066 году покорил Англию – с тех пор эту страну никто не смог завоевать.

Норманские драккары легко проходили Гибралтарский пролив, арабы не смогли им воспрепятствовать. В XI веке они создали сильное норманнское государство в Южной Италии и Сицилии, освободив эти районы от мавров. Добирались они и до Греции, где некоторое время владели Салониками. Нанимались на службу к христианским государям Испании, отважно сражались в битвах Реконкисты. Гвардия византийских императоров практически целиком состояла из норманнов-варангов (русс. варягов). А в европейских хрониках тех времен норманнов, совершавших опустошительные набеги на европейское побережье, иногда называли «руссами» или «русами»...

На рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры религиозное рвение европейцев было, по сути дела, главной отличительной чертой европейского культурного ландшафта. Паломничество к святым местам считалось почти обязательным для каждого верующего; такая же традиция складывалась и в мусульманском мире, правда, паломничества в Мекку из-за огромных расстояний в невероятно разросшемся Арабском халифате далеко не всем были под силу. Что же Европа? На всем континенте было лишь одно святое место, Сантьяго-де-Компостела в Испанской Галисии, где, по преданию, в первой половине IX века были перезахоронены останки апостола Иакова. На первом месте как цель паломничества стояла, конечно, Святая земля – Палестина. Удивительно – многие тысячи паломников, в одиночку или группами, достигали святых мест и благополучно возвращались обратно. Даже после арабского завоевания Палестины для паломников не возникло никаких препятствий, и даже пошлина за вступление в Иерусалим осталась той же самой. Византия, хранительница святых мест, потеряла над ними контроль, но сохранила его над Малой Азией, главной своей житницей, через которую шел путь в Палестину. Его охраняли византийцы, и даже для безоружных паломников путь этот был относительно безопасным.

Все изменилось в один день. Нашествие с востока воинственных тюркских племен сельджуков тревожило, конечно, Византийскую империю, но так или иначе с ними удавалось договариваться. Но в конце 1071 года император Роман IV Диоген послал против них огромную армию, почти целиком состоявшую из наемников, – не норманнов, а кочевников-печенегов и половцев. Увы, в сражении под Манзикертом эта армия потерпела сокрушительное поражение, а сам император Роман стал пленником султана Альпарслана. И хоть он его потом отпустил, практически вся Малая Азия была для Византии потеряна. Как были еще раньше потеряны вся Сирия и Палестина, со всеми святыми местами и иудейской, и христианской религиями. Тем не менее, централизованного сельджукского государства так и не возникло, существовали лишь отдельные султанаты, зачастую враждовавшие меж собой, особенно после 1092 года, когда исчезло всякое подобие центральной власти. Были разрушены мусульманскими фанатиками и некоторые христианские храмы, в том числе даже храм Гроба Господня (чуть позже он был всё-таки восстановлен). Какое-то подобие порядков, установленных арабами, еще сохранялось – паломники могли достигать священных мест и посещать Иерусалим, но уже под алчными взглядами новых завоевателей. При этом остался только морской путь – пилигримы, шедшие по суше, легко становились добычей разбойных банд, их грабили до нитки и продавали в рабство. Положение не устраивало ни арабских халифов, ни византийцев. Разговоры о возможном походе европейского рыцарства в Палестину шли уже давно, но Византия, надеявшаяся справиться с угрозой без посторонней помощи, всячески оттягивала этот момент. Развязка наступила в 1095 году. В марте византийский император Алексей Комнин обратился к Западу с просьбой о помощи. В ноябре на Клермонском соборе Папа Урбан II призвал к походу против «неверных». Некоторые считают, что это была самая эффективная речь во всей европейской истории. Во всяком случае, последствия ее были огромными и открыли целую эпоху, названную впоследствии «эпохой Крестовых походов». «Всем идущим туда, в случае их кончины, отныне будет отпущение грехов, – сказал Папа. – Пусть те люди, которые привыкли воевать против своих единоверцев- христиан,

выступят против неверных в бой, который должен дать в изобилии трофеи... Земля та течет молоком и мёдом. Да станут ныне воинами те, кто раньше являлся грабителем, сражался против братьев и соплеменников. Кто здесь горестен, там станет богат». Речь Папы прерывалась возгласами слушателей: «Dieu le veut!» («Так хочет Бог!»). Тот же лозунг на средневековой латыни: «Deus vult!» стал боевым кличем крестоносных воинов, говоривших на разных языках, но в той или иной мере знавших латынь по церковным проповедям. На этом же языке, не исключено, что с сильной примесью старофранцузского, они и общались между собой. Он получил название «Lingua franca» – не «свободный язык», как утверждали некоторые лингвисты, а совершенно буквально – «язык франков». Лишь в наше время это понятие стало обозначать средство, на котором общаются разноязыкие народы или племена, такое, скажем, как индонезийский язык, ни для кого не являющийся родным, но на котором общаются жители тысяч островов, и на каждом – свой язык, иногда совсем непохожий на соседние!

Собственно, самого понятия «Крестовые походы» тогда еще не было. Называли «expeditio», то есть поход, «iter in Terram sanctam» – «путь в Святую землю», или как-нибудь еще. Термин «Крестовые походы» во Франции появился уже при Людовике XIV, а в Германии его впервые употребил Г. Э. Лессинг.

В августе 1096 года огромное рыцарское ополчение под предводительством герцога Лотарингского Готфрида Буйонского, потомка Меровингов и Каролингов, тронулось в путь. Из Южной Франции пришло войско Отважного Раймунда Тулузского, из Южной Италии – свирепые норманны под предводительством Боэмунда Тарентского, сына великого воителя Роберта Гвискара, и его племянника Танкреда, которому еще предстояло стать героем. Правда, еще до начала большого похода выступил сын французского короля Генриха I Гуго Вермандуа, внук Ярослава Мудрого. Его называли Гуго Великим, но особых подвигов за ним не числилось.

История походов описана достаточно подробно и в хрониках, и в романах, и в исторических исследованиях. Насчет последних – меня удивляет, как это Папа проводил практически марксистский анализ, призывая к прекращению междоусобиц и призывая обратить внимание на Восток с его богатствами? Или это Маркс списал у Папы Римского? Что ни обширное исследование, то персонажи Крестовых походов предстают такими подонками, что сомнение закрадывается – а как же они смогли выдержать десятки жестоких битв и взять Иерусалим, да и всю Палестину?

Потом, правда, они стали Палестину делить на феодальные владения, получать иллюзорные королевские, герцогские, графские титулы. И по инерции, как было принято в Европе, враждовать друг с другом. Лишь предводитель похода Готфрид не принял короны – он настаивал лишь на титуле «защитника Гроба Господня». Правда, вскоре иерусалимский трон всё-таки был занят другим выдающимся руководителем похода, Балдуином Фландрским, а потом сменяли друг друга маленькие и вовсе не заметные в истории короли...

Второй крестовый поход закончился полным провалом, о нем обычно даже и не упоминают. Лишь третий, который возглавили французский король Филипп II, германский Фридрих Барбаросса и английский Ричард Львиное Сердце, остался в истории, в романах, в легендах и фильмах. Султан Саладин, не принадлежавший к царскому или халифскому роду (он и вообще был курдом), сумел объединить разбежавшуюся после тюркского нашествия державу и наносил одно за другим поражения неокрепшим крестоносным государствам. Иерусалим, захваченный во время Первого похода, вновь был в руках арабов. Крестоносцы осадили мощную крепость Акру (совр. Акко), но они и сами со всех сторон были окружены войсками Саладина... Французский король уже вел тайные переговоры о снятии осады, и в этот момент прибыл Ричард со своей армией – он задержался на Кипре, который успешно отвоевал у племянника византийского императора Исаака Комнина. Тот потребовал, чтобы его не заковывали в железные кандалы – это не подобало императорскому достоинству. Впрочем, Ричард сначала отпустил его на свободу;

когда борьба за трон вновь оживилась, новый король Кипра заковал несчастного претендента в серебряные цепи и сослал его в отдаленный замок в Сирии. Эти замки мы можем видеть до сих пор – нетронутые и неприступные. Ричарду удалось сорвать заговор потерявших мужество крестоносных властителей – и он начал войну, которая с самого начала была безнадежной. Он отвоевал Акру, но она стала последним бастионом крестоносцев в этом походе – и в последующих. Ричарду, талантливому военачальнику, удалось взять Яффу и даже Аскалон – но все пришлось потом отдать армиям Саладина. Едва ли он легко отдавал свои завоевания; тем не менее, Ричард был воином, воителем – как и противостоявший ему Саладин, его злейший враг. Тем не менее, Ричард посылал Саладину дорогие доспехи, а Саладин Ричарду – экзотические фрукты к столу и даже корзины льда, в которых их можно было хранить. Они, по слухам, даже встречались – и никто из них не боялся измены, рыцарская честь была превыше всего. Сейчас ничего от рыцарской чести, даже приближенной к понятиям Второй мировой войны, на Ближнем Востоке не осталось. Обмануть «неверного» – вот это «долг чести». Данное слово – не сдержать. Можно даже клясться Аллахом, но в сделке с неверными это не имеет никакого значения... Нужно иметь за собой очень серьезную силу, чтобы совершить солидную сделку в арабском мире. Весьма богатое российское финансовое сообщество не имеет никакого веса в арабском мире, потому что не подозревает, что там нужно вести дела не по-русски.

Ричард Львиное Сердце был последним настоящим рыцарем этого мира, который совершил деяния, вошедшие в историю. И клятва, и договор в его время были обязательными; не взяв Иерусалим, он договорился с Саладином о беспрепятственном доступе туда христианских паломников. Кстати, именно для охраны паломнических караванов еще во времена Первого похода были созданы рыцарско-монашеские ордена тамплиеров и госпитальеров (иоаннитов). Иоанниты, или Мальтийский орден, сохранились до сих пор; больницы, которые они создали в Германии, приводят в восхищение. Тамплиеров уничтожил французский король Филипп Красивый; впрочем, и сегодня есть общества, называющие себя «тамплиерами».

Первого и Третьего крестовых походов достаточно; остальные были настолько невыразительными и безрезультатными, что историки не могут назвать даже их точное число. Что принесли они Европе, что принесли они миру?

Вспомним речь Папы Урбана II: «Земля там течет молоком и медом... Кто здесь горестен, там станет богат». И действительно, многие крестоносцы обогатились – не только сеньоры, но и простые воины, кто выжил, вернулись домой не только с малопонятными сувенирами – некоторые и с солидными суммами в золоте. А был ли действительно так богат загадочный Восток, лишь край которого затронули Крестовые походы? Хроники рассказывают: захватив шатер сельджуцкого бая, воины выносили оттуда целые мешки драгоценностей. То есть то, что сельджуки награбили ранее, в разоренных ими арабских городах. Но у арабов-то откуда столько? Ведь они, нищие кочевники, пришли совсем недавно, опять же ограбив города, попадавшие им на пути! А поскольку лишь немногие из жителей этих городов остались в живых, богатства, доставшиеся крестоносному воинству, никому толком не принадлежали. Вероятно, там были произведения искусства древних и не слишком известных нам культур; практически всё было переплавлено в монеты.

Так или иначе, Крестовые походы стали первым серьезным столкновением между христианским Западом и мусульманским Востоком. Султан Саладин объявил даже джихад, но сколько-нибудь серьезных последствий это не имело. Забот хватало – вскоре на Средний Восток обрушились монголы, вслед за ними – безжалостный Тимур. Дважды был разрушен Багдад, дважды – Дамаск. Один раз даже Дели, столица Индии. Грозный египетский султан Бейбарс и его наследники, потомки рабов-мамелюков, отвоевав все остальное, покончили с последними владениями крестоносцев на Ближнем Востоке.

Что взяла Европа от Востока в этот период? Не так много, но и не так уж мало. Сахар, тростниковый сахар – в 1098 году голодавшие крестоносцы, осаждавшие Антиохию, поддерживали

свои силы «сладкими тростинками». До этого в Европе источником сахара был лишь мёд. Гречиха, рис, абрикосы, арбузы, лимоны – всё оттуда. И даже – почтовые голуби. Впрочем, такие ремёсла, как шелкоткачество и вообще изготовление дорогих тканей, бумагоделание пришли в Европу вовсе даже из Китая, но не через Ближний Восток, а через арабизированные Испанию и Сицилию. И, естественно, огромное количество знаний и обычаев (в том числе, кстати, горячие бани) пришло на Запад из Византии, порабощенной и расчленённой теми же крестоносцами.

Богатые морские республики – Генуя, Пиза, Амальфи и особенно Венеция вели оживленную торговлю с Ближним Востоком, несмотря на усилившуюся опасность пиратства. Правда, хорошо укрепленную венецианскую галеру очень нелегко было одолеть в морском бою. Ни о каком джихаде уже никто не поминал – все бывшие арабские владения, за исключением Марокко и Турции, подчинила новая держава – Османская Турция. На Западе наступало время Возрождения, на Востоке – то, что гораздо позже было названо «застоем». Но кто решился бы утверждать, что в эпоху «застоя» Советский Союз не мог представлять угрозы какой-либо конкретной стране и вообще международному миру? «Застойная» Турция, поработив все государства Балканского полуострова, потерпела поражение при второй осаде Вены в 1683 году – и с этого начался её закат.

Вернемся назад – к концу эпохи Крестовых походов. Что принесли они Европе? Награбленные богатства, конечно, не в счет. Но – они покончили со средневековым представлением о мире и тем самым подготовили наступление эпохи Возрождения. Более конкретно: в эпоху, когда единственной наукой считалась теология, люди занялись прикладными, позитивными науками – геометрией, астрономией, механикой, алхимией; этого требовало мореплавание, ставшее в конце концов единственным разумным способом доставки войск на Восток, этого требовала нужда в осадных машинах и другой военной технике. Кто знает, если бы не было походов, когда европейцы добрались бы до Америки? В самой Европе это привело к закату баронской вольницы и консолидации национальных государств; прямо скажем, политическая карта этой части света не пертерпела с тех пор принципиальных изменений. Крестовые походы остались в истории – как отчасти наивное, но вызванное добрыми помыслами предприятие, порожденное легендами и породившее сотни легенд и реальных историй о героизме и отваге рыцарей без страха и упрека, о трусости и предательстве феодальных властителей, о морях крови и годах страданий, о славе побед и позоре поражений... Имея религиозные корни, Крестовые походы не были, по сути, религиозной войной, как, скажем, последующие войны Реформации, не были и фатальным столкновением противоположных по устремлениям культур. Эго сейчас, в свете нынешних событий, им такое значение приписывается. Видимо, исходя из нынешних представлений, Папа Иоанн Павел II принес извинения за Крестовые походы... А ведь это была просто война, средневековая война, с вопиющими жестокостями с обеих сторон. И с обеих сторон, как ни странно, война завоевательная. Действительно ведь султан Саладин или сельджукские беи воевали вовсе не за родную землю, на которой они выросли, а за бывшие владения разгромленной ранее Византии, которой крестоносцы (хотя бы формально) пришли на помощь! И хоть закончились эти походы плачевно, причин для извинений нет – они были и останутся славной страницей в европейской и мировой истории. Это только у мусульман слово «крестоносцы» вызывает однозначно отрицательные эмоции (как и слово «евреи», вспомним знаменитый призыв Усамы бин Ладена к «войне против евреев и крестоносцев»). У меня же, как и у большинства, я надеюсь, моих европейских соотечественников, оно вызывает чувство гордости за героическое прошлое. Прошлое, которое так неожиданно экстраполировалось в настоящее и стало аргументом в нынешней ожесточенной идеологической борьбе между Востоком и Западом.

Продолжение следует